

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1991 ГОДА
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- И. КОНСТАНТИНОВСКИЙ «Тайна земли обетованной»;
 А. ПЛАТОНОВ «Технический роман»;
 В. КАРДИН «К вопросу о белых перчатках»;
 А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ «РОССИЯ — POESIA»;
 В. ТОКАРЕВА «Старая собака»;
 З. ГИППИУС «Последние стихи»;
 В. ЕРОФЕЕВ «Попугайчик»;
 Ф. ИСКАНДЕР «Поэты и цари»;
 А. ХУРГИН «Лишняя десятка»;
 Н. ИЛЬИНА «Власть тьмы».

ISSN 0132-2095. Б-ка «Огонек», 1991. № 37. 1—32.

ОГОНЕК

МОСКВА

Наум КОРЖАВИН

ПИСЬМО В МОСКВУ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 37

Издается с января 1925 года

Наум КОРЖАВИН

ПИСЬМО В МОСКВУ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Москва. 1991

Наум КОРЖАВИН

Наум Моисеевич Коржавин родился в 1925 г. в Киеве. В конце войны приехал из эвакуации в Москву. В 1947 г. был репрессирован: восемь месяцев провел в Лубянской тюрьме, потом — ссылка в Сибирь.

Вернувшись в Москву, поэт заканчивает в 1959 г. Литературный институт им. Горького. В конце пятидесятых — начале шестидесятых много печатается в периодике, в 1963 г. в издательстве «Советский писатель» выходит первая книга стихов Н. Коржавина «Годы», а в 1967 г. в театре им. Станиславского поставлена его пьеса «Однажды в двадцатых».

В 1973 г. поэт вынужден был эмигрировать. В настоящее время живет в США (г. Бостон). Издательство «Посев» выпустило две его книги — «Времена» (1977 г.) и «Сплетения» (1981 г., 2-е изд. 1988 г.).

«Письмо в Москву» — четвертая книга Н. Коржавина. В нее вошли стихи и поэмы, написанные уже в США.

* * *

То свет, то тень,
То ночь в моем окне.
Я каждый день
Встаю в чужой стране.

В чужую близь,
В чужую даль гляжу,
В чужую жизнь
По лестнице схожу.

Как светлый лик,
Влекут в свои врата
Чужой язык,
Чужая доброта.

Я к ним спешу.
Но, полон прошлым всем,
Не дохожу
И остаюсь ни с чем...

...Но нет во мне
Тоски,— наследья книг,—
По той стране,
Где я вставать привык.

Где слит был я
Со всем, где все — нельзя.
Где жизнь моя —
Была да вышла вся.

Она свое
Твердит мне, лезет в сны.
Но нет ее,
Как нет и той страны.

Их нет — давно.
Они, как сон души,
Ушли на дно,
Накрылись морем лжи.

И с тех широт
Сюда, — смердя, клубясь,
Водоворот
Несет все ту же грязь.

Я знаю сам:
Здесь тоже небо есть.
Но умер там
И не воскресну здесь.

Зовет труба:
Здесь воля всем к лицу.
Но там судьба
Моя —
                                пришла к концу.

Легла в подзол.
Вокруг — одни гробы.
...И я ушел.
На волю — от судьбы.

То свет, то тень.
Я не гнию на дне.
Но каждый день
Встаю в чужой стране.

Бостон, Бруклайн, июль-август 1974 г.

* * *

Я плоть, Господь... Но я не только плоть.
Прошу покоя у Тебя, Господь.

Прошу покоя... Нет, совсем не льгот.
Пусть даже нищета ко мне идет.

Пускай стоит у двери под окном
И держит ордер, чтоб войти в мой дом.

Я не сержусь, хоть сам себе не рад.
Здесь предо мной никто не виноват.

Простые люди... Кто я впрямь для них?..
Лежачий камень... Мыслящий тростник..

Всех милосердий я превысил срок,
Протянутой руки схватить не смог.

Зачем им знать и помнить обо мне,
Что значил я, чем жил в своей стране.

В своей стране, где подвиг мой и грех.
В своей стране, что в пропасть тащит всех.

Они — просты. Досуг их добр и тих.
И где им знать, что в пропасть тащат — их.

Пусть будет все, чему нельзя не быть.
Лишь помоги мне дух мой укрепить.

Покуда я живу в чужой стране.
Покуда жить на свете страшно мне.

Пусть я не только плоть, но я и плоть...
Прошу покоя у Тебя, Господь.

* * *

Довольно!.. Хватит!.. Стала ленью грусть.
Гляжу на небо, как со дна колодца.
Я, может быть, потом еще вернусь,
Но то, что я покинул — не вернется.

Та ярость мыслей, блеск их остроты,
Та святость дружб, и нежность, и веселье.
Тот каждый день в плену тупой беды,
Как бы в чаду свинцового похмелья.

...Там стыдно жить — пусть Бог меня простит.
Там ложь, как топь, и в топь ведет дорога.
Но там толкает к откровенью стыд,
И стыд приводит к постиженью Бога.

Там невозможно вызволить страну
От мутных чар, от мертвого кумира,
Но жизнь стоит все время на кону,
И внятна связь судеб — своей и мира.

Я в этом жил и возвращенья жду, —
Хоть дни мои тлотеет жизнь иная.
Хоть все равно я многих не найду,
Когда вернусь... И многих — не узнаю.

Пусть будет так... Устал я жить, стыдись,
Не смог так жить... И вот — ушел оттуда.
И не ушел... Все тех же судеб связь
Меня томит... И я другим — не буду.

Все та же ярость, тот же стыд во мне,
Все то же слово с губ сейчас сорвется.
И можно жить... И быть в чужой стране
Самим собой... И это — отзовется.

И там, и — здесь...

Не лень, не просто грусть,
А вера в то, что все не так уж страшно.
Что я — вернусь...

Хоть если я вернусь,
Я буду стар. И будет все неважно...

1974

* * *

Ах ты жизнь моя — морок и месиво.
След кровавый — круги по воде.
Как мы жили! — Как прыгали весело —
Карасями на сковороде.

Из огня — в небеса ледовитые...
Нас прожгло. А иных — и сожгло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло.

* * *

Бог за измену отнял душу.
Глаза покрылись мутным льдом.
В живых осталась только туша,
И вот — нависла над листом.

Торчит всей тяжестью огромной,
Свою понять пытаюсь тьму.
И что-то помнит... Что-то помнит...
А что — не вспомнит... Ни к чему.

ПРОЩАНИЕ С ЯДДО

*(Колонией писателей, композиторов, художников и скульпторов в Саратога
Спрингс, штат Нью-Йорк)*

Я назад не хочу. Ни туда, где я нынче живу,
Ни в Париж, ни в Милан, ни в Женеву,
ни даже в Москву.
Хоть и хватит блуждать, хоть пора —
не о том ли и речь? —
Вновь друзей повидать
и в суглинке навеки залечь.
Чтоб горька, незабвенна,
в любом состоянии жива,
Надо мной постепенно
в себя приходила Москва.
То спокойно, то круто, то ложью
восстав против лжи,
И чтоб все эти смуты,
как струнья спадали с души.
И чтоб в лике усталом
и пристальной ясности глаз
То ясней проступало, за что мне мила и сейчас.
Тут не светлая вера, а знание жестокое тут —
Ощущенье барьеров из лет, расстояний и смут.
То, что в двери стучится,
настойчиво лезет в окно.
То, что может случиться и, может,
случиться должно.

Правда века есть бездна —

недаром все тонет во мгле.

И не будет мне места до смерти на этой земле.

Там, как здесь — сон ли, явь ли —

одни пустословье и спесь.

Суеты, и тщеславья, и мести гремучая смесь.

Что мне весь этот рынок и споры,

что рынку под стать?

Выбираю суглинок — постель,

чтоб свой век переспать.

Выбираю охотно — мне этот возврат по плечу.

А другой — значит. Потьма!.. А я и туда не хочу.

Ни за стены-запоры —

пусть дружба за ними сильна.

Ни в научные споры, чьей нации больше вина.

Не сужу, не кричу. Знаю: святы такие места.

Лишь назад не хочу: ни в Париж, ни в Милан,

ни туда.

Не порыв, а надрыв —

память сердца про боль бытия.

Я пока еще жив, но эпоха уже — не моя.

Все уперлось в «сегодня»,

а даль беспощадно пуста,

И почти безысходна простая моя правота.

Впрочем, все ни к чему:

век уходит под нож к палачу.

Я и гибель приму... Лишь назад никуда не хочу.

Нет, не тянет в столицы чужие, не манит в моря.

Лишь московский мне снится суглинок.

И, может быть, зря.

* * *

Давно б я убрался с земли.

Да Бога боюсь и петли.

Не стану храбриться, юля.

Мне очень страшна и петля.

Но все не кончается с ней,

И Бога боюсь я сильней.

Вот явишься... Пена у рта...

Тебе ж вместо «Здравствуй» — «Куда?»

В творении замысел есть,
Ты должен быть там, а не здесь.
А ну-ка, поддайте орлу!..»

И тут же потащат к котлу.
И бросят — навек, не на срок —
В бурлящий крутой кипяток.
А вскрикнешь: «За что мне казан?»
И вспыхнет в сознании экран.
И выйдут из мира теней
Все мерзости жизни твоей.
Все то, что, забывшись, творил,
Что сам от себя утаил,
Предстанет на этом холсте
В бесстыдной своей наготе.

Как жил я — судить не берусь.
Но вспомнить все это боюсь.
Да все ли Господь мне простил,
Что я себе сам отпустил?

Нет, лучше пока подожду,
Не буду спешить за Черту.
Ко всем, ненарушившим Черт,
Господь, говорят, милосерд...

. * * *

На жизнь гневись не очень —
Обступит болью враз.
Все высказать захочешь,
А выйдет — пересказ.

И будешь рваться с боем
Назад — сквозь тьму и плоть, —
От жизни этой болью
Отрезанный ломоть.

Начнешь себе же сниться
От мыслей непростых.
И в жажде объясниться
Тонуть в словах пустых.

Как будто видя что-то
В себе — издалека...
Расплывчатое фото,
Неточная строка.

То ль свет застрял слепящий
В глазах — как зов мечты,
То ль жизни отходящей
Стираются черты.

ПЕСНЯ ОТДЕЛЬНОЙ ЛЕЙБ-КАЗАЧЬЕЙ СОТНИ НЕИЗВЕСТНОГО ЭСКАДРОНА

У озер лесных биваки,
Молодецкие атаки,
Дым скрывал зарю.
В Новом Хемпшире мы жили,
Славно, весело служили
Батюшке-царю.
Батюшке-царю.

Но настала та минута,
Паруса во всю надуты,
Грузим пушки в трюм.
Здравствуй, Дон! И здравствуй, Терек!
Покидаем дальний берег
И плывем в Арзрум.
И плывем в Арзрум.

Что ж вы, братцы, лейб-казаки!
Иль впервой менять биваки?
Так о чем тужить!
Что за страх — края чужие!
Раз мы войско, мы в России,
Где б не вышло жить.
Где б не вышло жить.

СПЛЕТЕНИЯ

I

Не стоит всерьез удивляться,
Что вновь тут за горло я взят.
Смешно за свободой являться
В чужую страну — в пятьдесят.

И глупо бурлить постоянно,
Тревожа вкушающих сон,—
Кому как наркоз и нирвана —
Разорванность связи времен.

А впрочем, здесь — так иль иначе,—
Никто б тебя слушать не стал.
Поскольку со всем, что ты значишь,
Ты здесь к дележу опоздал.

И, значит, не ходишь в мундире,
Ума представляющем знак.
А все доказательства в мире
В сравнении с этим — пустяк.

И что возмущаться впустую,
Как совесть, стоять над душой,—
При этом и впрямь претендуя
На угол в квартире чужой.

Конец! Я своим тут не стану.
Все будет, как было и есть.
Все — в гибель...

И думать мне странно,
Что мог я родиться и здесь.

А что?.. Ведь и судьбы и даты
В наш век так чудно сплетены...
И вдруг бы сошлось, что когда-то,
Задолго до Первой Войны,—

Погрязший в духовных беседах
(Лишь их принимая всерьез),
Сюда бы приехал мой предок
И в генах меня бы привез.

Со страху ль, с тоски ль, с непокорства —
Не все ли равно отчего,
Но все совершилось бы просто
И как бы помимо него.

Пришедшей в себя от погрома
Супругой — однажды бы он
С детьми был исторгнут из дома
И втиснут с вещами в вагон.

И встал бы, не сразу освоюсь,
В проходе — застыв... не дыша...
Но тут же бы тронулся поезд,
И все б утряслось, не спеша.

И стало бы скоро нетесно
(Россия — такая страна),
И он бы нашел себе место, —
Чтоб было видней, — у окна.

И снова уйдя в свою книгу,
Два дня не вставая почти,
Влеком был бы поездом в Ригу
И курочкой кормлен в пути.

А рядом гремели б события,
Мелькали б огни... города...
Навстречу бы — в Киев ли, в Питер,
В Москву ли — неслись поезда.

И станции были б — дощаты.
И рядом бы — чуждо-легки —
Сменялись студенты... солдаты...
Купцы... слесаря... мужики...

Вносили б надежды и беды
(Все то, чем тревожил их век),
Легко б заводили беседы,
Сдружась, исчезали б навек.

Как будто предчувствуя муки,
Спасаясь от собственных снов,
Мечась, — все искали друг в друге
Надежности... взлета... основ...

...Но чуждый всей этой стихии,
Уйдя в бормотанье свое,

Он плыл бы над этой Россией,
Не глядя, не видя ее.

Все тексты свои разбирая,
Не мучась тоской никакой.
Меня один Не-Израиль
На более мягкий другой.

Осталась бы призраком темным
В сознании эта земля.
Не ведаю, что б о ней помнил
Он, глядя с борта корабля.

Наверно, простор нетревожный
Всплывал бы... Овины... Овраг...
Солдатики... Флаг над таможенной...
Жандарм в станционных дверях...

II

Но, впрочем,— как это ни мало,—
Но если б мне так повезло,
То даже и это, пожалуй,
Уже б до меня не дошло.

И только б застряло навечно
В сознании, как миф и как тыл,
Чудное название местечка,
Где предок до выезда жил.

И я б вопрошал мимоходом
Смущенных московских гостей:
«Мой дед из Ивановки родом.
Вы, верно, слышали о ней?
Ивановка!.. — странное имя...»

А, впрочем, к чему эта спесь?
Ну кто его знает, к а к и м б ы
Я вырос, родись бы я здесь.

Быть может, сызмальства старея,
Закон неизбывно блюдя,

Молился б я Богу Евреев,
К неизбранным лишь снисходя.

Их жизни презрев равнодушно,
Их болью болеть не спеша...
...О Господи!..

Как это скучно!
И как с этим глохнет душа!

...Нет, властны истории сдвиги.
Скорей бы я, вдрызг вдохновен,
И здесь те священные книги
Отверг, как куриный бульон.

Отверг бы с гордыней и шумом,
Как дупиный бессмысленный плен.
И вовсе не скоро б подумал,
Что нужно б и что-то взамен.

Нет, с Богом разделавшись, — сразу
Вепарил бы уверенно я
И в свой ненаполненный разум
Поверил, как в пик бытия.

А после, не сдавшись и скуке,
Гордясь ею даже слегка,
Застрял бы в преддверьях науки,
В сплетеньях ее языка.

И, может быть, стал бы отменным,
Исполненным сложных забот,
Престижным саксесыфулмэном,
Спецом по обрывкам пустот.

Теснящим все признаки жизни
Плетеньем натужных словес,
Без всяких марксизм-ленинизмов
Сознание затмившим, как бес.

Агентом всемирной подмены
Всех смыслов, основ и начал...
Но нет!.. Я б таким тут, наверно,
Не стал, раз в Москве им не стал.

Там тоже различные масти
Подмены души и ума,
И та, что внушается властью,
И та, что рождается сама.

И даже звучит дерзновенно...
В ней часто изысканность есть
И вызов... Но это — подмена.
И в общем, такая, как здесь.

Она и бежит, как известно,
Сюда, — «чтоб спастись от цепей»
И бодро сплетается с местной
В удавку на шее моей.

Нет, с Богом расставшись, — скорее
Сперва б я, — спеша, как на пир, —
И здесь бы зажегся идеей
Огнем переделывать мир.

И после, — теряя дорогу,
Но даже не зная о том, —
Наделал бы глупостей много,
Каких бы стыдился потом.

И все-таки здесь бы я тоже
Сегодня, сквозь горечь и срам,
Вернулся б не к дедовской, может,
Но — к вере... Как сделал и там.

И, помня свое назначенье,
Свой смысл ощутив наяву,
Я так же б тут против теченья
Теперь уже плыл, — как плыву.

Лишь, может, чуть меньше усталый
(Все ж свой на своем берегу),
Я б все-таки как-то, пожалуй,
Здесь выплыл... А так — не смогу.

А так — лишь отчаянье гложет
(И стыдно — да нет уже сил)...

III

Но все-таки, все-таки, все же
Спасибо, что жил я, как жил.

Спасибо, что страхи и крики
Презрев, как обычный скандал,
Тот предок мой все свои книги
В местечке родном дочитал.

Что всякой враждебен стихии
И, зная, что значит погром,
Он все ж не сбежал из России...
Что я в ней родился потом.

Не странно ль? Сбежав за границу,
Держась за последний причал,
Я рад, что мне вышло родиться
В стране, из которой сбежал.

Но все — и причастие к небу,
И к правде пристрастие мое
(За что и гоним был нелепо,
И изгнан) — во мне от нее.

И счастлив я, — даже тоскуя, —
Что я не менял, как во сне,
Отчизны — одну на другую,
Равно безразличную мне.

А жил, как положено, — дома,
На родине, с нею не врозь,
И резал ножом по живому,
Когда расставаться пришлось.

И здесь, в этой призрачной жизни,
Я б, верно, не выжил ни дня
Без дальней жестокой отчизны,
Наполнившей смыслом меня.

...Сбежал я — как сдался на милость.
Гуляю по райским местам.
Но все, что мне в жизни открылось,
Открылось мне все-таки там:

И смысл, и сквозь горе людское
Цена и мечте, и беде.
А вместе — и нечто такое,
Что мне б не открылось нигде.

С чем — как в остальном ни упорствуй,
Как все ни ломай рубежи, —
Высокое — буднично-просто
И лечит от выдумок лжи.

Все это — куда б я ни прибыл, —
До смерти носить мне в себе.
Спасибо, спасибо, спасибо,
Спасибо за это судьбе.

Пусть дома наветы и гимны,
И суетность там же, где высь.
И, может, Россия погибнет,
Не тем занята, чтоб спастись.

И, может, озлясь бестолково,
Она еще в страшный свой год
Меня оттолкнет, как чужого,
От жизни моей оттолкнет.

И рухну, обиженный ею,
Шепча ей стихи, как письмо...
Пусть!..

Если она уцелеет,
То все утрясется само.

Уладится то, что не ладно,
Излечится боль в тишине...
...А если погибнет — не надо
Самой справедливости мне.

Россия! Да минет нас это!
Опомнись! Вернись в колею! —
Кричу я... Но нет мне ответа.
Да что там!.. Весь мир — на краю.

Туманы подмен у подножья.
В нирване Нью-Йорк и Париж.
А сверху, как с Этны безбожья,
Ты всем изверженьем грозишь...

Как раньше... Хоть прежнего пыла
Уже воскресить не дано.
Хоть все, *для чего* ты грозила,
Сама ты презрела давно.

В том нет уже даже безбожья —
Ленивый развал бытия.
Как пеплом, завалена ложью
Там поздняя мудрость твоя.

И все — за броней... Не увидеть
Твой свет сквозь брони толщину.
И будут тебя ненавидеть
За все, у чего ты в плену.

И может озлишься ты тоже
В ответ — не оставшись в долгу...
И чем это кончится, Боже,
Узнать я уже не смогу.

Но, зная о будущем мало
И веря не слишком в зарю,
За то, что ты жизнью мне стала
«Спасибо судьбе!» — говорю.

За бледные тропки в тумане,
Паденья, которых не счесть,
За ту остроту пониманья,
С которой не просто и здесь.

Где радостно пляшут у края,
Не веря глазам и тоске.
Где медленно я подыхаю
В прекрасном своем далеке.

31.1.80.

ПОЭМА ПРИЧАСТНОСТИ

*Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

М. Лермонтов.

*Как славно быть ни в чем не виноватым —
Совсем простым солдатом... Солдатом.*

Б. Окуджава.

Не человек — кто в наши дни живет.

М. Цветаева.

1

Ах, Россия, Россия, —
На плакатике голубь.
Что нас в горы чужие
Затянуло, как в прорубь?

Что вдруг стало нам нужно
Брать кого-то на мушку
За твоей самой южной
Точкой — крепостью Кушка?

Кушка... Школьные дали,
Горы в утреннем дыме...
И о ней не мечтали
Мы... Но знали хоть имя.

Хоть считались, как с фактом.
...А что дальше к Кабулу —
Это все от нас как-то
Вообще ускользнуло.

2

Это даже и странно.
Ведь любя всю планету,
Мы судили все страны
Так я этак... Лишь эту —

Ни всю не честили,
Ни добром поминали.

Просто так — упустили.
Будто вовсе не знали.

Занимались не ею,
Мы на Запад глядели:
Хоть в хмелю от идеи,
Хоть оправясь от хмеля.

Обо всем говорили.
Чтоб о ней — не бывало.

3

...А теперь перекрыли
Все ее перевалы.

Чтобы впредь кто угодно,
Хоть по праву рожденья,
Здесь не шлялся свободно,
А просил разрешенья.

И чтоб мы разрешали —
При доверии к цели.
Чтоб нам тут не мешали
Делать, что нам велели.

Чтоб смирялась стихия
Перед волей Державы.
Словно это — Россия,
И мы все здесь по праву.

И еще — что похуже,
Чем стыдней наша сила, —
Словно вправду нам нужно,
Чтоб по-нашему было.

Чтоб внедрялась знакомо
Ложь словес воспаленных.
Словно это нам дома
Не обрыдло с пеленок.

Не гнетет без предела —
Беспросветно... Обидно...

Но кому тут есть дело,
Что и как нам обрыдло?

Что стране этой горной,
Как и чем нас ломало,
Раз мы сжали ей горло,
Оседлав перевалы?..

Хуже!.. Снег на высотах.
Мы торчим в оцепленье.
Иль, вися в вертолетах,
Льем огонь на селенье.

Бабы тычутся слепо.
Дым ползет по ухабам.
Мы сидим среди неба
И стреляем по бабам.

И от пиков до кочек,
От скалы до ущелья, —
Знать никто здесь не хочет,
Кто мы есть в самом деле.

Все таится опасно,
Все к стволам прикипело.
Все нас видеть согласно
Лишь сквозь прорезь прицела.

Хоть мы все-таки ропщем,
Хоть за горло мы взяты,
Хоть подумать, мы, в общем,
Неплохие ребята.

Хоть!.. Но это пустое.
Разве речь о прощенье?
Мы, как смерть — за чертою, —
Вне Добра и общенья.

Мальчик, школьник вчерашний,
 На чужом солнцепеке,
 И подумать мне страшно,
 Как мы здесь одиноки.

Школа... Шалости... Шутки...
 После — девичьи письма.
 И подумать мне жутко,
 Как мы здесь ненавистны.

Дома матери дышат
 Нами... Ждут, вспоминая...
 И девчонки нам пишут,
 Даже где мы, не зная.

Подвели мы их круто
 Всех. И всем досадили.
 Не прошли в институты,
 В палачи угодили.

И спасенья не будет.
 В тыл рванешься — засудят.
 В плен — и там не полюбят,
 Руки-ноги отрубят.

Мы вне чести и славы —
 Дай, товарищ, мне руку.
 Нашим делом неправым
 Мы прижаты друг к другу.

Все — враги нашей силе.
 Все — хотят нашей крови.
 И уже мы забыли,
 Кто здесь прав, кто виновен.

И все злей наши лица,
 Жжет отчаянность злая,
 И весь мир нас боится,
 Нам Добра не желая.

И себя нам все жальче.
И одна есть дорога:
Глубже в лес... И все дальше
От людей и от Бога.

Глубже в лес — и под иглы
Взглядов — жгучих и жестких.

8

Ах, глобальные игры! —
Допинг старцев кремлевских.

Допинг!.. Чувства линяют.
Глохнет все, кроме власти.
И порой заменяют
Игры ею — все страсти.

Шутка ль! — Все они в силах.
Мир смолкает, робея...
И в их старческих жилах
Кровь кружится быстрее.

Рвутся в бой, хоть и седы,
Словно в день свой вчерашний
Юность длят... И за это
Платят юностью нашей.

Нашей кровью и болью,
Нашим духом и телом.
И, наверно, судьбою
Нашей Родины в целом.

Мир доведен до края.
Он молчит... А взовьется —
Что мы здесь вытворяем,
Все на ней отзовется.

Все на ней!.. Безусловно!..
Чем поздней, тем страшнее...

9

...И, выходит, виновны
Мы еще и пред нею.
Всем во вред мы, похоже.

Как мы узел разрубим?
Мы ж не выродки все же.
Мы ведь родину любим.

Воле старцев послушны,
Возражать избегая,
Не с того ль мы им служим,
Что мы ей присягали?

Не с того ль они сила,
Что себе мы не внятны?..
Ах, Россия, Россия,—
Прорубь... Голубь плакатный...

Где ж вы, голуби?.. Нет их.
Даже помнить нелепо.
Есть венец пятилеток —
Огнемёт среди неба.

10

Шли в навоз поколенья,
Мор и холод терпели,
Чтоб мы так над селеньем
Без опаски висели.

За броней... И висим мы.
И стреляем, как пашем.
И почти что не мнима
Безнаказанность наша.

Да, почти что... Но — мнима.
С каждым днем она тает.
Пули бьют чаще мимо.
Но порой — попадают.

Чаще лишь задевают,
Ослабев напоследок.
Но порой пробивают
И броню пятилеток.

И в машине железной
Занимается пламя,
И мы рушимся в бездну,
Подожженную нами.

И все видится шире.
Дым глаза застилает.
И никто в целом мире
Нам спастись не желает.

И неправда прямая
(А куда ж нам податься?)
Все сильней прижимает
Нас друг к другу и старцам.

Кто поймет нас? Всю эту
Заколдованность круга.
Никого у нас нету —
Мы одни друг у друга.

Пьем за дружбу, ребята!
Мы друг к другу прижаты.
Мы друг к другу прижаты
И кругом виноваты.

11

Мы! — кричу самовольно,
Приобщаясь к погостам.
От стыда и от боли
Не спасет меня Бостон,

Где в бегах я. Где тоже
Безвоздушно пространство.
Где я гибну... Но все же
Не от пули афганской.

Не от праведной мести,
Вызвав ярость глухую,
А в подаренном кресле,
Где без жизни тоскую.

Где и злость, и усталость
И пусты, и тревожны...
Где так ясно: осталась
Жизнь, где жить невозможно.

Там, в том Зле, что едва ли
Мир не сцапает скоро.
Там, откуда послали
Этих мальчиков в горы.

12

Мы! — твержу. — Мы в ответе.
Все мы люди России.
Это мы — наши дети
Топчут судьбы чужие.

И вполне может статься,
Тем и Бог нас карает,
Что кремлевские старцы
В них, как в карты, играют.

Нет!.. Пусть тонем в проклятьях,
«Мы!» — кричу, надрываясь.
(Не «они» ж называть их,
В их стыде признаваясь.)

Мы!.. Сбежать от бесчестья,
Чушь... Пустая затея...
Мы виновны все вместе
Пред Россией и с нею.

Тем виновней, чем старше...
Вспомним чувства и даты.
Что там мальчики наши —
Мы сильней виноваты.

13

Мы — кто сгинул, кто выжил.
Мы — кто в гору, кто с горки.
Мы — в Москве и в Париже,
В Тель-Авиве, в Нью-Йорке.

Мы — кто пестовал веру
В то, что миру мы светим,
Мы — кто делал карьеру
И кто брезговал этим.

Кто, страдая от скуки
И от лжи, все ж был к месту.
Уходя то в науки,
То в стихи, то в протесты.

Кто — горя, словно в схватке,
В мыслях путаясь рваных,
Обличал недостатки
В нашумевших романах.

Иль, гася раздраженье,
Но ища пониманья,
Приходил к постиженью,
А порой и к признанью.

14

Мы — кто жаждал не сдатьсь,
В дух свой веря упорно.
Словно нас эти старцы
Не держали за горло.

Жил — как впрямь признавая,
Что тут бой, а не яма.
Адской тьме придавая
Статус жизненной драмы.

15

Да — тоской исходили.
Да — зубами скрипели.
Все равно — допустили.
Все равно — дотерпели.

Старцы — нелюдь. Мы ж люди.
Но всю жизнь без печали
Мы не сами ль на блюде
Им детей подавали?

Без особых усилий,
Не поморщившись даже,
Мы привыкли. Мы были
В детстве поданы так же.

И взлетал так же слепо
Тот же радостный голубь.
Надо вырваться к небу.
Трудно вырваться... Прорубь.

16

Мальчик, сдвинувший брови
В безысходной печали.
Меньше всех ты виновен,
Горше всех отвечаешь.

Как приходится сыну,
Если предки такие.
Как за все наши вины
Отвечает Россия.

*Бостон—Вермонт—Бостон
1981—1982 гг.*

ПИСЬМО В МОСКВУ

Сквозь безнадегу всех разлук,
Что труг, как цепи,
«We will be happy!», дальний друг,
«We will be happy!»

«We will be happy!» — как всегда!
Хоть ближе пламя.
Хоть века стыдная беда
Висит над нами.

Мы оба шепчем: «Пронеси!»
Почти синхронно.

Я тут — сбежав... Ты там — вблизи
Зубов дракона.

Ни здесь, ни там спасенья нет —
Чернеют степи...
Но что бы ни было — привет! —
«We will be happy!»

«We will be happy!» — странный звук.
Но верю в это:
«Мы будем счастливы», мой друг,
Хоть видов — нету.

Там, близ дракона — не легко.
И здесь — не просто.
Я так забрался далеко
В глушь... В город Бостон.

Здесь вместо мыслей — пустяки.
И тот — как этот.
Здесь даже чувствовать стихи —
Есть точный метод.

Нам не прорвать порочный круг,
С ним силой мерясь...
Но плюнуть можно... Плюнем, друг! —
Проявим серость.

Проявим серость... Суета —
Все притязанья.
Наш век все спутал — все цвета
И все названья.

И кругом ходит голова.
Всем скучно в мире.
А нам не скучно... Дважды два —
Пока четыре.

И глупо с думой на челе
Скорбеть, насупясь.
Ну кто не знал, что на Земле
Бессмертна глупость?

Что за нос водит нас мечта
И зря тревожит?
Да... Мудрость миром никогда
Владеть не сможет!

Но в миг любой — пусть век колюч,
Пусть все в нем дробно,
Она, как солнце из-за туч,
Блеснуть способна.

И сквозь туман, сквозь лень и спесь,
Сквозь боль и страсти
Ты вдруг увидишь мир как есть,
И это — счастье.

И никуда я не ушел.
Вино — в стаканы.
Мы — за столом!.. Хоть стал наш стол —
В ширь океана.

Гляжу на вас сквозь целый мир,
Хочу взглядеться...
Не видно лиц... Но длится пир
Ума и сердца.

Все тот же пир... И пусть темно
В душе, как в склепе,
«We will be happy!»... Все равно —
«We will be happy!»

Да, все равно... Пусть меркнет мысль,
Пусть глохнут вести,
Пусть жизнь ползет по склону вниз,
И мы с ней вместе.

Ползет на плаху к палачу,
Трубя: «Дорогу!»...
«We will be happy!» — я кричу
Сквозь безнадегу.

«We will be happy!» — чувств настой.
Не фраза — вежа.
И символ веры в тьме пустой
На скосе века.

СОДЕРЖАНИЕ

«То свет, то тень...»	3
«Я плоть, Господь...»	4
«Довольно!.. Хватит!..»	5
«Ах ты жизнь моя...»	6
«Бог за измену отнял душу...»	7
Прощание с Яддо	7
«Давно б я убрался с земли...»	8
«На жизнь гневись не очень...»	9
Песня отдельной лейб-казачьей сотни неизвестного эскадрона	10
Сплетения	10
Поэма причастности	19
Письмо в Москву	28

КОРЖАВИН Наум Моисеевич

ПИСЬМО В МОСКВУ

Стихотворения и поэмы

Редактор А. И. З а й ц е в

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 5.07.91. Подписано к печати 30.07.91.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58.
Уч.-изд. л. 1,40. Тираж 84000 экз. Зак. № 699. Цена 15 коп.

Типография издательства «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.